

УДК 338.27(571.6)

Проблемы прогнозирования развития арктических регионов Дальнего Востока

П. А. Минакир¹, академик,

С. Н. Леонов², доктор экономических наук

ФГБУН Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН

Анализируется сложившаяся модель освоения Арктической зоны Российской Федерации; рассмотрены вопросы стратегического развития Арктики; выявлены основные проблемы, связанные с реализацией государственной региональной политики в отношении Арктической зоны России; предложены подходы к построению долгосрочного прогноза развития Дальнего Востока.

Ключевые слова: Арктика, Дальний Восток России, региональная политика, прогнозирование регионального развития.

Особые условия стратегического развития Арктики

В связи с принципиальным изменением вектора развития центров силы, вызванным ускоренным развитием и усилением потенциала арктических регионов в мировом сообществе, процесс стратегического развития российской Арктики как территории, сопредельной циркумполярным странам, должен отвечать ряду условий.

Во-первых, следует определиться с южной границей и составом самого объекта прогнозирования — Арктики.

В отличие от внешней границы континентального шельфа установление южной границы Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) не требует какого-либо международного признания, а является исключительно внутренним делом государства. Этой проблеме долгое время не уделялось должное внимание, отчасти в связи с закрытостью арктических

районов как режимных зон. В настоящее время требуется определить принципы включения областей и территорий в данный регион и принять соответствующие законы.

Правовая неопределенность внутренних границ и состава АЗРФ является одной из причин отсутствия четкой координации федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления и коренных малочисленных народов Севера, а также бизнеса, отстаивающего корпоративные интересы [10]. Как самостоятельный объект государственной политики Арктическая зона требует четкого определения территории, в отношении которой будут приниматься специальные меры экономического стимулирования, социальной поддержки, регламентирования природопользования и охраны природы, устанавливаться дифференцированные режимы хозяйственной деятельности.

Во-вторых, следует учитывать тройную роль государства в освоении Арктики и Крайнего Севера. Так, государство должно способствовать сохранению общечеловеческих ценностей в регионе, оставаясь «над рынком» и концентрируясь:

¹ e-mail: Minakir@ecrin.ru.

² e-mail: Leonov@ecrin.ru.

- на сохранении культуры и языков коренных народов Арктики и Крайнего Севера;
- на охране природной среды и формировании условий для экологического благополучия, организации научных исследований биологического разнообразия, климата, ионосферы, ледовой обстановки, других природных условий;
- на социальной помощи местным сообществам и мигрантам;
- на обеспечении национальной безопасности в северных (арктических) широтах страны.

Кроме того, государство отвечает за формирование правил поведения бизнеса и других участников освоения региона, занимая позицию арбитра в рыночных играх, находясь «рядом с рынком» и обеспечивая:

- разработку северного и арктического законодательства;
- формирование и реализацию национальных проектов по развитию социально-экономической инфраструктуры в регионе (транспорт, оптоволоконная связь и социальная инфраструктура).

И наконец, государство может занимать активную позицию «внутри рынка», выступая на равных с другими участниками освоения региона, концентрируясь:

- на формировании государственного заказа на исполнение работ по северному завозу и социальным услугам;
- на развитии государственно-частного партнерства в реализации значимых социально-экономических инвестиционных проектов.

В-третьих, процесс трансформации экономически активного пространства не должен ослаблять демографию арктических регионов и уже имеющиеся конкурентные преимущества ни на одном из этапов развития макрорегиона. Решение этой задачи может осуществляться за счет согласованных действий федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления и бизнеса как по времени, так и по месту реализации проектов, осуществляемых в рамках развития российской Арктики.

Возможно ли спрогнозировать территориальный прорыв, необходимый в освоении АЗРФ, и если да, то как это сделать?

Подходы к построению системы долгосрочного регионального прогнозирования

Приступая к рассмотрению методологии прогнозирования развития Арктической зоны, следует зафиксировать, что ситуация осложняется отсутствием общепринятой теории прогнозирования развития экономических систем, способной служить надежной основой для разработки прогнозов будущих состояний как пространственной организации экономики, так и отдельных типов территориальных систем, в том числе и таких, как Арктика.

Кроме того, построение долгосрочных прогнозов в отношении развития арктических территорий усложняет традиционная двойственность методологических подходов, когда речь заходит о выработке долгосрочных региональных прогнозных оценок.

Первый подход к прогнозированию развития Арктики базируется на сопоставлении вариантных прогнозов, которые претендуют на описание событий или процессов, могущих иметь место в будущем. Однако точность таких прогнозов невысока. Они могут иметь научно обоснованный характер только при условии, если раскрывают закономерности, управляющие развитием изучаемого объекта, позволяя с помощью метода экстраполяции представить, как будет выглядеть изучаемый объект в долгосрочной перспективе. Арктика — относительно новый в социально-экономическом и геополитическом смыслах регион. Говорить, что сложились устойчивые закономерности его развития, нельзя. Поэтому серьезные экстраполяционные прогнозы в отношении Арктики вряд ли возможны.

Второй подход в отношении оценок будущего развития Арктики основан на анализе факторов, определяющих современное развитие региона и ситуацию в нем в отдаленном будущем. Главное в данном подходе — отделить стабильно действующие факторы от временных явлений и процессов (существенное от несущественного). При этом, даже если удастся определить факторы долгосрочного порядка, любые оценки будущего развития Арктики на долгосрочную перспективу будут носить сугубо вероятностный характер. Объясняется это скачкообразным характером научно-технического прогресса и развития человеческого общества в целом. То, что еще вчера казалось важным и определяющим для развития человечества, сегодня (а тем более завтра) становится малозначимым, на передний план выходят факторы, появление которых было сложно (а часто и невозможно) предугадать.

В этом случае построение на региональном уровне синтетических прогнозов, представляющих собой взаимообуславливающие друг друга прогнозы количественных и качественных показателей развития секторов экономики, структурных пропорций, качественных состояний факторных параметров и т. п., невозможно без принятия определенного правила (алгоритма), устанавливающего порядок взаимодействия как между параметрами экономических, социальных и научно-технологических систем, так и между уровнями пространственных систем.

Взаимобусловленность и характер взаимодействия параметров систем различного ранга и функционального содержания на каждом пространственном уровне описываются более или менее формализованно и вербально определенными функциями и моделями. Иначе обстоит дело с взаимодействием этих же параметров, конституирующих экономические, социальные и технологические системы разных таксономических уровней. Здесь возникает

неожиданная методологическая трудность, связанная с тем, что пространственные системы в экономике и производстве взаимодействуют как иерархически организованные системы. Это означает, что прогнозы для региональной системы любого ранга должны быть строго соподчинены прогнозу системы вышестоящего ранга. На практике это означает, что целевые показатели и значения ограничений, принимаемых в прогнозах для региона, должны быть определенной декомпозицией значений, уже принятых и утвержденных в рамках «вышестоящего» прогноза (вертикальная соподчиненность). Соответственно и сама методика прогнозирования представляет собой на уровне региона некую производную от общенациональной методики прогнозирования. Данное утверждение особенно верно, если речь идет о регионах одного уровня (например, о субъектах Федерации), в случае российской Арктики прогнозный регион включает не только самостоятельные субъекты Федерации, но и их отдельные части — совокупность муниципальных образований, что дополнительно затрудняет выстраивание вертикальной системы прогнозирования.

Кроме того, подсистемы национальной экономической (социальной, производственной) системы не могут функционировать как автаркические образования. Регионы встроены в систему пространственно-временных взаимосвязей с другими пространственными частями национальной экономики. А следовательно, прогноз каждой региональной системы должен быть согласован, соподчинен не только с прогнозами национальной системы в целом, но и с прогнозами других региональных систем (горизонтальная соподчиненность). При этом горизонтальная соподчиненность оказывается вторичной по отношению к соподчиненности вертикальной.

Таким образом, «региональный прогноз» как прогноз развития относительно самостоятельной системы по существу может представлять собой своеобразную комбинацию: (1) прогнозов корпораций, размещенных на данной территории, (2) национальных прогнозных показателей, (3) оценок сопряженного развития внутрирегиональной экономической среды¹.

Реально используемые методы построения прогнозов подтверждают, что именно два первых пункта из приведенного перечня описывают содержание процедуры регионального прогнозирования. Действительно, если проанализировать инструментальную базу регионального прогнозирования (см., например, [14, с. 86—103]), нельзя не заметить, что макроэкономические показатели перспективного развития получают либо в результате использования различного рода моделей, которые прямо или косвенно интегрированы с общенациональной

моделью, либо в процессе интегрирования информации бизнес-проектов, каким-то образом сформулированных для соответствующего региона. В последнем случае связь между результатами развития региона в перспективе и принятыми на национальном и корпоративном уровнях решениями относительно распределения ресурсов накопления и факторов производства является наиболее очевидной.

Сложившаяся модель освоения российской Арктики

В СССР активные системные исследования по изучению и развитию Арктики были начаты в 1930-х годах [1; 17]. Они разворачивались по всей трассе Северного морского пути. Правительство уделяло большое внимание этому направлению деятельности.

Одновременно с исследовательскими работами реализовывалась обширная программа освоения Арктики. Понятие «освоение региона» понималось как синоним его заселения: строились города, появлялись новые промышленные производства, развивалась инфраструктура транспорта и жизнеобеспечения. Была создана система военно-экономической безопасности, обеспечивающая защиту национальных интересов в Арктике. Практически в ходе освоения ресурсов Крайнего Севера реализовывалась модель одновременного широкомасштабного заселения региона.

В послевоенные годы продолжалось интенсивное освоение Арктики, что потребовало создания атомного ледокольного флота. Объемы транспортировки грузов по Северному морскому пути росли и достигли пиковых 7 млн т (1987 г.) [13]. Россия до настоящего времени является единственным государством, имеющим атомные суда, способные работать в условиях Арктики.

Сложилась система управления развитием Арктики как единого макрорегиона страны, что было возможно в унитарном государстве со слабо развитыми периферийными регионами. Ответственность за развитие Арктической зоны возлагалась на Главное управление Северного морского пути.

В 1970—1980-х годах начали реализовываться идеи территориального хозрасчета, производилась оценка народнохозяйственных затрат на освоение регионов, выполнялись расчеты альтернативных издержек освоения ресурсов [11]. Акцент переносился на освоение региона без одновременного его заселения, широко внедрялся вахтовый метод освоения. Формировалась система расселения, основанная на сети базовых городов и вахтовых поселков. Этот подход был особенно характерен для районов Крайнего Севера Сибири и Дальнего Востока.

С началом рыночных реформ ситуация кардинально изменилась. В 1990-х годах на вооружение была принята концепция, согласно которой Арктику осваивать невыгодно и неперспективно, поскольку экономические выгоды неочевидны, а издержки велики [14]. Концепция исходила из того, что среди 27

¹ Под «внутрирегиональной средой» понимаются вспомогательные и обслуживающие производства, сервисные отрасли и социальная сфера, в том числе коммунальные услуги.

Таблица 1. Доля пенсионеров в общей численности населения субъекта Федерации, %

Субъект Федерации	1990	2000	2010
Республика Саха (Якутия)	12,7	20,6	25,5
Камчатский край	10,2	20,6	28,3
Магаданская область	9,9	19,7	29,9
Чукотский автономный округ		18,7	27,5

Источник: рассчитано по данным сайта <http://www.gks.ru>.

субъектов Федерации, законодательно относимых к Крайнему Северу, только 6 являлись донорами, а остальные были реципиентами федерального бюджета со слаборазвитой промышленной и социальной инфраструктурой и низким уровнем жизни [3].

Итогом стали резкое сокращение федеральных расходов на развитие и жизнеобеспечение северных территорий, замораживание льгот для прибывающих на Север по приглашению частных компаний, применение районных коэффициентов к заработной плате только для бюджетного сектора и т. д. Проводившаяся политика фактически выталкивала Арктику и Север из экономического пространства страны.

Резко ухудшилось качество жизни большинства населения макрорегиона, что сказалось на состоянии здоровья и продолжительности жизни. Миграционные процессы стали неуправляемыми, работа в Арктике — экономически непривлекательной. Понижился уровень реальных доходов основных социальных групп населения. Существенно ухудшились и демографические показатели. Так, за межпереписной период с 1989 по 2002 гг. численность населения Чукотского автономного округа сократилась на 67% (со 164 до 54 тыс. человек) [9, с. 54—55].

Убыль населения породила дефицит рабочей силы. Одновременно возросло число пенсионеров. За двадцать лет доля пенсионеров в районах дальневосточного Крайнего Севера возросла в два-три раза и сейчас превышает 25% (табл. 1).

Очень медленно решаются вопросы переселения в другие районы страны граждан нетрудоспособного возраста, больных и инвалидов, желающих выехать за пределы Арктики в связи с неостребованностью на рынке труда жителей закрывающихся поселков. Обусловленные экономическими трудностями проблемы занятости, жизнеобеспечения, социальных гарантий, миграции, поддержки коренного населения в ряде арктических регионов приобрели такую остроту, что ликвидацию их последствий приходится осуществлять с привлечением экстренной финансовой помощи федерального бюджета.

При этом за годы трансформации хозяйственного уклада России модель освоения Арктики в целом не изменилась, концентрируясь на ресурсно-

экспортной ориентации природных ресурсов и продуктов начальных переделов.

Федеральное законодательство по Арктической зоне несистемно, фрагментарно и архаично, не соответствует расширению тех проблем, которые возникают в связи с задачами модернизации арктической экономики в прогнозный период. В нем сохраняется значительное количество пробелов (например, нет законодательной базы для функционирования вахтовых поселений в Арктике, для закрытия поселений, в которых ликвидировано градообразующее предприятие, и др.). Нечетко определен сам объект правового регулирования (базовый закон по Арктической зоне до сих пор не принят).

Государственный комитет по делам Севера, Совет по проблемам Севера и Арктики при Правительстве Российской Федерации упразднены, адекватная современным задачам и вызовам структура, координирующая на государственном уровне действия всех уровней власти в Арктике, не создана. В результате действия и позиции разных федеральных ведомств по вопросам развития Арктической зоны не согласованы, взаимодействие федерального, регионального, муниципального уровней власти в решении этих вопросов неэффективно.

Российская модель освоения ресурсов арктического шельфа (особенно нефтегазовых) формируется при отставании институционального блока (особенно технических регламентов, национальных и отраслевых стандартов). Неполнота, нестабильность и изменчивость норм и правил изучения и освоения ресурсов сырья провоцируют дополнительные риски для недропользователей и арктических регионов. Не разработан экономический механизм контроля за исполнением лицензионных соглашений. Из-за несовершенства государственного регулирования в области природопользования, являющегося наиболее важным и для многих единственным источником наполнения региональных и местных бюджетов, арктические территории несут значительные потери. Не используются методы государственного стимулирования развития различных видов деятельности в Арктике, в частности, по развитию прибрежного рыболовства за счет предоставления специальных стимулирующих квот.

Таблица 2. Специализация арктических регионов Дальнего Востока России

Регион	Основная специализация (месторождения, объекты, градообразующие предприятия)
Республика Саха (Якутия)	Добыча алмазов и благородных металлов (золото, серебро)
Чукотский автономный округ	Добыча благородных металлов (золото, серебро), месторождения Купол, Двойное, ЗАО «Чукотская ГГК», «Kinross Gold Co»
Магаданская область (Северо-Эвенский, Омсукчанский и Среднеканский районы)	Добыча благородных металлов (золото, серебро), «Kinross Gold Co», ЗАО «Полиметалл»

Резюмируя, отметим, что сложившаяся вокруг российской Арктики ситуация двояка. С одной стороны, под внешнеэкономическим и внешнеполитическим влиянием в отношении освоения этого региона федеральные органы власти многое декларируют, с другой — в части создания реального механизма реализации декларируемых намерений и преодоления накопленных за советское и постсоветское время проблем федеральный центр делает недостаточно.

Специфика промышленного развития арктической зоны Дальнего Востока

К настоящему времени в регионах Арктики кроме базовых добывающих ресурсы отраслей сформирована многопрофильная производственная и социальная инфраструктура преимущественно сырьевых отраслей экономики, а также военно-промышленного и транспортного (Северный морской путь) комплексов.

Арктические территории России можно разделить на группу старопромышленных регионов (Мурманская область, Архангельская область, Красноярский край — Норильский промышленный и Таймырский муниципальный районы) и группу регионов относительно недавнего масштабного промышленного освоения (Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, арктические улусы Республики Саха (Якутия), Чукотский автономный округ). Начало освоения арктической территории, специфика и возраст отраслей специализации накладывают отпечаток на современное социально-экономическое развитие региона.

Основными отраслями промышленной специализации арктической зоны Дальнего Востока России являются добывающая промышленность, черная и цветная металлургия, в меньшей степени рыбодобывающая и деревообрабатывающая отрасли регионального хозяйства (табл. 2).

Республика Саха (Якутия). Запасы алмазов России превышают 1,32 млрд каратов и являются крупнейшими в мире, составляя около половины их общего количества [4]. Перспективы наращивания

минерально-сырьевой базы алмазов весьма благоприятны — их прогнозные ресурсы превышают 3,6 млрд карат. Большая часть российских разведанных запасов алмазов заключена в коренных месторождениях — кимберлитовых трубках и только около 6% — в россыпных объектах. Основная часть запасов и ресурсов высоких категорий страны сконцентрирована в трех алмазоносных субпровинциях: Тунгской и Вилюйской в Республике Саха (Якутия) и Кольско-Беломорской, расположенной на территории Архангельской и Мурманской областей.

Тунгская алмазоносная субпровинция определяет современную базу алмазов России. Здесь сосредоточено почти 60% запасов алмазов страны. В пределах этой субпровинции находится крупнейшее российское месторождение — кимберлитовая трубка «Удачная», запасы которой составляют 18,5% российских, а также трубки «Айхал», «Юбилейная», объекты Накынского рудного поля — трубки «Нюрбинская» и «Ботубинская». В субпровинции утверждены новые технико-экономические обоснования кондиций и пересчитаны запасы алмазов трубок «Ботубинская», «Нюрбинская» и совмещенных с ними россыпей в контурах карьеров трубок. Продолжались поисковые работы в пределах Накынского кимберлитового поля и его флангов.

К югу от Тунгской расположена Вилюйская алмазоносная субпровинция. Самые крупные коренные месторождения в ее пределах: трубки «Мир» и «Интернациональная», которые заключают 11,3% и 5% российских запасов алмазов соответственно.

Развитие отрасли в Якутии в основном определяется одной компанией — ОАО АК «АЛРОСА». На предприятие приходится более 70% общего объема добываемых в Якутии алмазов [8]. Алмазодобыча является системообразующей отраслью республики и имеет определяющее значение для ее социально-экономического развития. В последнее время наращивают объемы добычи предприятия ОАО «Алмазы Анабара», ОАО «Нижне-Ленское», ОАО «АЛРОСА-Нюрба». Первые два из них ведут разработку россыпных месторождений алмазов, а также геолого-разведочные работы на

Рис. 1. Рудник «Двойной» («Kinross Gold Corporation») в Чукотском автономном округе

территориях Анабарского, Оленекского, Булунского и Жиганского районов, а ОАО «АЛРОСА-Нюрба» — на территории Нюрбинского района.

Чукотский автономный округ. Интересным и довольно успешным стал опыт региональной политики в годы губернаторства Р. А. Абрамовича на Чукотке (2000—2008 гг.). Чукотский автономный округ в этот период развивался крайне активно как социальный бизнес-проект за счет средств крупных международных и российских корпораций, привлеченных губернатором. Была создана инфраструктура (дороги, линии электропередач и т. п.), активно используемая и в настоящее время при реализации инвестиционных проектов в минерально-сырьевом комплексе. Развитие Чукотского автономного округа — уникальный пример в российской практике использования бизнес-олигархических ресурсов для развития арктического региона со сложнейшими условиями освоения².

Благодаря проведенным при Р. А. Абрамовиче преобразованиям на территории округа идет активное освоение золоторудных месторождений Купол и Двойное (рис. 1) канадской компанией «Kinross

Gold Co» подземным способом. Большинство работников этой компании на данных месторождениях — жители Магаданской области, Чукотки, центральных районов России. Компания уделяет большое внимание не только организации безопасных условий труда, но и созданию условий для отдыха и проживания персонала. На вахте на руднике «Купол» занято 1200 человек в две смены по четыре недели³. В вахтовом поселке предусмотрено все необходимое для комфортных работы и отдыха.

Магаданская область. Освоение крупных месторождений золота и серебра в арктической части области пришлось на послеперестроечное время, поэтому и происходило это совершенно иначе, чем освоение территории в период плановой экономики. Для освоения уникального по запасам и геологическому строению месторождения Кубака и месторождений Дукат и Лунное пришли крупные инвесторы — зарубежные и российские компании, был использован вахтовый метод ведения работ.

При освоении золоторудного месторождения Кубака (Северо-Эвенский район Магаданской области) получен ценный опыт в организации производственного процесса в рыночной экономике. На этом этапе развития золотодобычи впервые привлечен на территорию для недропользования иностранный инвестор — американская фирма «Surgus

² Зарегистрировав ряд структур «Сибнефти» на Чукотке, пользующейся особым офшорным статусом, Р. А. Абрамович сэкономил на налогах приблизительно 1 млрд долл., а на развитие региона его компании направили 1,5 млрд. Эти деньги, правда, были потрачены очень эффективно (подробнее см. [4]).

³ <http://kinross.com/careers.aspx/ru/russia.aspx>.

Атах» (позже она продала свою долю акций (50%) канадской компании «Kingross Gold Co») и создано совместное предприятие «Омолонская золоторудная компания» [2]. Участие иностранного партнера в освоении месторождения способствовало внедрению новых технологий разведки, добычи и обогащения на территории области. Впервые в области месторождение осваивалось вахтовым методом с применением зарубежных стандартов организации деятельности предприятия и сервиса работающих на месторождении.

К крупным осваиваемым объектам, попадающим в границы Арктической зоны Российской Федерации в Магаданской области, относятся серебряные месторождения Дукат и Лунное (Омсукчанский район), разработку которых ведет компания «Полиметалл». В их освоении также используется вахтовый метод, но поскольку политика компании социально ориентирована, это проявляется в финансировании ею инфраструктуры населенных пунктов Омсукчанского района.

Таким образом, современное освоение российской Арктики происходит с учетом опыта, накопленного в арктических территориях зарубежных стран и российских регионах.

Выбор модели развития экономики арктической части Дальнего Востока

Мировая история освоения арктических территорий свидетельствует о многосторонней поддержке их государством, особенно на начальных этапах, в расчете на превращение этих территорий в ведущий фактор развития экономики отдельных регионов и стран в целом на основе освоения богатой минерально-сырьевой базы. Основным источником дохода в арктических регионах является экономическая рента от высокоприбыльного освоения уникальных ресурсов.

В настоящее время выделяется два основных вида арктической экономики — рентная и трансфертная (подробнее см. [12, с. 484—485]):

- в рентной арктической экономике полученный доход остается на территории и обеспечивает бюджетные финансовые ресурсы арктического региона или главным образом отчуждается добывающими корпорациями и центральным правительством, которые часть изъятых ренты затем возвращают в виде денежных грантов или инвестиций;
- в трансфертной арктической экономике, где доминируют государственный и традиционный секторы экономики при слабо развитом рыночном секторе, основным источником бюджетного дохода арктических территорий являются трансферты вышестоящего уровня власти, а не ресурсная рента.

Именно эти два источника формирования бюджета арктических территорий лежат в основе моделей хозяйствования в арктических странах. Конкретную модель арктической экономики каждая страна формирует на основе комплекса факторов, основными

из которых являются: форма государственного устройства, размеры государства и его арктических территорий, национальные особенности развития Арктики.

Американской модели присуща только рентная экономика, в то время как остальные модели базируются на принципах как рентной, так и трансфертной экономики. Очевидно, что рентная экономика весьма привлекательна в период расцвета ресурсных отраслей и освоения крупных проектов.

Опыт Аляски показывает [7], что, несмотря на максимальную самостоятельность штата, с момента его образования в 1959 г. и до конца 1960-х годов половина доходной части бюджета формировалась за счет программ помощи государства. Различные меры правительства штата по снижению бюджетного дефицита (повышение налоговых ставок в различных отраслях деятельности, выпуск не облагавшихся налогом облигаций для финансирования различных, прежде всего социальных проектов) не помогали. Финансовое положение Аляски резко улучшилось лишь в 1970 г., когда были получены единовременные доходы в связи с продажей лицензионных участков открытого на землях штата нефтяного месторождения Прадхо-Бей. Неоднократное повышение цен на нефть в 1970-х годах и рост ее добычи вновь подняли доходы штата в начале 1980-х. В результате благодаря тому, что самые ценные нефтяные ресурсы оказались на землях штата, Аляска имеет часть экономической ренты от их эксплуатации.

Особенностью канадской модели, которая объединяет черты трансфертной и рентной экономики, является разностатусность и различия в объемах прав на природные ресурсы провинций и территорий при сохранении участия государства в управлении. В отношении регионов канадской Арктики используется принцип «освоение без заселения»: там практически не создавались крупные поселения, а промышленные предприятия ориентировались на большие заработки и высокую «проточность» рабочей силы [15, с. 68—79].

Европейская модель арктической экономики реализуется в европейских унитарных государствах, которые в силу компактности имеют возможность управления экономикой арктических регионов властью центрального правительства. Кроме того, компактность и близость стран друг к другу позволили им создать интегрированные рынки. Так, в ходе реформирования электроэнергетики Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия объединили внутренние рынки, сформировав общий рынок электроэнергии скандинавских стран [6].

В России следствием плановой экономики является самая централизованная модель управления ресурсами арктических (и не только) регионов, а также присвоение государственной части ренты на федеральном уровне. С изменением российского законодательства о недрах регионы (за исключением общераспространенных полезных ископаемых)

практически отстранены от возможности участия в лицензировании объектов и управлении ресурсами. Вследствие этого и государственная часть экономической ренты, образуемая в арктических регионах, возвращается в бюджет региона из федерального центра лишь в форме трансфертов. Особенностью России является формирование крупных базовых поселений (Архангельск, Мурманск, Норильск, Воркута) с численностью в сотни тысяч человек, не имеющих аналогов в зарубежной практике.

Дальневосточная Арктика — регион особых геостратегических интересов государства и долгосрочных экономических интересов общества, прежде всего с точки зрения эффективного освоения территории, рационального использования природных ресурсов и обеспечения глобального экологического равновесия в рамках неистощительного природопользования. Поэтому для формирования целостной системы стимулов его развития необходимо разработать и принять систему мер, закрепляющих не только основы государственной политики, но и реальные механизмы ее реализации.

Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН П44 «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации».

Литература

1. Агранат А. Г. Зарубежный Север: Очерки природы, истории, населения и экономики регионов. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. — 320 с.
2. Гальцева Н. В. Предпосылки и перспективы реструктуризации экономики Магаданской области: Монография / Отв. ред. Н. А. Горячев. — М.: КомКнига, 2009. — 320 с.
3. Городецкий А. Е., Иванов В. В. Научное обеспечение развития арктических регионов России // <http://rosnord.ru/strategy/standpoint/75-nauchnoe-obespechenie-razvitiya-arkticheskikh-regionov-rossii>.
4. Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации за 2012 год» // <http://www.mineral.ru/Center/Announce/162/552/index.html>.
5. Гринева П. Абрамовича оставят в роли бога // <http://www.utro.ru/articles/2005/10/17/486598.shtml>.
6. Затологин Д. Идеальный роол // ЭнергоРынок. — 2004. — № 4 (<http://www.e-m.ru/er/2004-04/22493>).
7. Краснопольский Б. Х. Государственное управление природопользованием: опыт США / Отв. ред. П. А. Минакир; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. — Хабаровск: РИОТИП, 2008. — 224 с.
8. Курнева М. В., Романова Е. Р. Современное состояние и реструктуризация алмазодобывающей промышленности Республики Саха (Якутия) // Проблемы современной экономики. — 2012. — № 4 (44).
9. Леонов С. Н., Корсунский Б. Л., Барабаш Е. С. Региональная экономика и управление: экономика Дальнего Востока. — Владивосток: Дальнаука, 2007. — 176 с.
10. Минакир П. А., Леонов С. Н. Методологические проблемы прогнозирования развития Арктики Дальнего Востока // Вестн. Мурман. гос. техн. ун-та. — 2014. — Т. 17, № 3. — С. 540—551.
11. Орлов Б. П., Шнипер Р. И. Экономическая реформа и территориальное планирование. — М.: Экономика, 1969. — 250 с.
12. Пилясов А. Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. — М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 544 с.
13. Полянова И. Севморпуть: вектор развития // <http://www.transportrussia.ru/transportnaya-politika/sevmorput-vektor-razvitiya.html>.
14. Постановление Правительства Российской Федерации «О Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера» от 7 марта 2000 г. № 198.
15. Сидоренко О. В., Леонов С. Н. Зарубежный опыт регионального управления: Монография. — Хабаровск: Хабар. краевая тип., 2011. — 144 с.
16. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия-2050 / Под ред. П. А. Минакира, В. И. Сергиенко; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. — Владивосток: Дальнаука, 2011. — 558 с.
17. Славин С. В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. — М.: Изд-во экон. лит., 1961. — 304 с.